

Репертуар властвования

Властный трон в России — всегда средоточие и персонализация игры судьбоносных метафизических сил. Правитель может быть на высоте своего положения, может ему не соответствовать. Правитель может всеми силами вгрызаться в свой статус вопреки желаниям подвластных и требованию времени. Комбинаций здесь много.

Путин в этом контексте, очевидно, не только личность, не только гражданин РФ и т.п., но прежде всего Президент РФ, трижды избранный электоратом и работающий в этой должности как «галерный раб», а отнюдь не как политик, «вцепившийся руками и зубами в свое кресло». Бжезинский однажды усомнился в наличии у Путина «трансцендентального». И ошибся.

Издревле власть ассоциируется не только с силой, насилием, но и с чем-то мистическим, с некой тайной, причастностью к иным системам координат, нежели обыденная жизнь. Притягивают внимание руины и манускрипты, храня энергию и информацию минувших веков, обыкновенной жизни и битв. От них исходит не столько точное знание, сколько намеки. И намек этот всегда на какой-то непостижимый нами смысл.

Тем более власть — она даже не намекает, а всем своим позиционированием, символами, свойствами, персонажами, поведением, поступками, решениями, устремлениями — непрерывно свидетельствует о своей фундаментальности.

Накапливая следы истории и тем самым нарабатывая палитру своих инструментов и оснований, власть становится подобной многомерному пространству. В нем совмещены музейные и рабочие помещения — это одно неразрывное коммуникационное поле, в том числе и с самой археологической тектоникой и с более возвышенными мирами — поднебесными ли, небесными ли. Вспомним хотя бы Московский Кремль.

Власть сакральна издревле. Даже в сегодняшнем, существенно секуляризованном мире, в конституциях и гимнах едва ли не всех стран мы услышим и увидим референции на «хранимую Богом»... Нечто важное в структуре властвования восходит к древним кодам и не исчезает ни в каком новейшем мире. И принципиальная структура социума — «своих и чужих» — никуда не исчезла. Белего найти в противостояниях партий и движений, не исключая недавнее — Болотное и Поклонное сообщество.

Так или иначе, в российской истории накопился обширный репертуар ролей властителей. Князья, цари, императоры, генсеки, председатели, президенты. И когда мы вглядываемся во властную роль современного нам российского президентства, то нетрудно увидеть эклектику, прежде всего на поверхности символов. Гимн — советский, герб — имперский, флаг — торговый.

Сосуществование разнородных символов, а вслед за ними и надличностные сущностей не царапает эстетическое чувство россиян своей аляповатостью. Оно приемлемо и неизбежно как компромисс сосуществующих культур в самом российском человеке.

Однако на языке древних подоплек получается в итоге нестройность сакрального начала. У полифонии есть своя гармония, но нестройность — это не полифония. Но и не какофония — это тоже факт. Точнее сказать — лада мало, или, что то же, — со «схodom-развалом» проблемы.

На природу современной российской высшей власти, олицетворяемой президентом, продолжают и поныне оказывать влияние несколько важных зависимостей, доставшихся от прошлого: киевская, ордынская, имперская, советская, постсоветская.

Советское наследие — вовсе не особый фрагмент нашей исторической памяти. Это переплавленное в одном котле фамильное серебро всего российского прошлого в интересах невиданного социального эксперимента. Если что и сохранилось из всего дореволюционного, то чудом, затерявшись в каких-то сусеках этого котла, куда не дотянулся всежигающий огонь. Уничтожены едва ли не дотла основные социальные носители большинства прежних архетипов: дворянство, офицерство, купечество, казачество, священничество. На защищенном ролевом

пространстве был спроектирован и построен новый социальный ландшафт со своим способом легитимации власти. Вопреки всем особенностям советская форма открыла простор творчеству масс. И массы, и государство попали в один мегаисторический процесс, потрясение, имевшие статус урагана, торнадо. Царствовал бич Божий. Это сложная ситуация. Потому она до сих пор не поддается однозначным оценкам. Любая однозначность грешит невольной лживостью.

Постсоветский этап открыл дорогу не только индивидуализму, глобализму и капитализму с его тягой к быстрому накоплению любой ценой, монополизации и криминализации любых рынков, включая рынок административных услуг. Стремительно произошло восстановление едва ли не всех форм жизнеустройства и властвования, когда-либо открытых в нашей истории. Какие-то реанимации пришлись к месту и времени, какие-то оказались неуместны и бутафорны. Однако в итоге социогенетическое разнообразие довольно быстро вернулось к природному фоновому уровню.

При этом ценностной доминантой стал всеохватывающий монетаризм. Параллельно торжеству торжища стремительно начали восстанавливаться религиозные ценности и институты. Это придало безвременью, смуте 90-х духоподъемный нюанс, а главное — выстроило исключительно важные «параметры порядка», удержавшие страну от еще более страшных катастроф, чем те, что произошли, и не позволившие парадигме тотального монетаризма, всеобщей продажности, лукаво названной рыночностью, достичь всеохватывающего господства. Свою роль сыграло и киноискусство, задавшее важные вопросы: «...В чем сила? Разве в деньгах?.. Сила в правде. У кого правда, тот и сильнее. Вот ты обманул кого-то, денег нажил. И ты сильнее стал? Нет, не стал. Потому что правды за тобой нет. А тот, кого обманул, за ним правда. Значит, он сильнее».

Нетрудно представить, как эта одновременность метафизических сущностей вкупе с разной интенсивностью их манифестирования в практической повседневности в каждый момент времени дает исключительно сложные вводные для своеобразного сеанса одновременной игры. Ведь правитель вступает с ними в интерфейс — со всеми. Разумеется, не каждого собеседника, не каждую доктрину или проект можно атрибутировать сразу и однозначно как проекцию того или иного работающего архетипа. Но и особой сложности такая атрибуция не представляет.

Здесь другой важнее риск — упоение упрощенными моделями. Одни воспевают Ленина, другие — Петра Великого, третьи — Александра II Освободителя, четвертые — Хрущева, пятые — Екатерину, шестые — Брежнева и т.д. В этом нет никакой нелепости, будь оно всего лишь спектаклем на театральной сцене. Проблема возникает там и тогда, где и когда личное впечатление о паре понравившихся курьезов из правления того или иного деятеля становится импульсом к заимствованию всей модели, олицетворяемой этим именем.

Путин на Валдае ясно высказался, что «от советской идеологии мы ушли», что идеализации России до 1917 года, как и западный ультралиберализм, далеки от реальности.

Но нельзя не парировать — ни от чего «мы не ушли». И с этим прошлым нам идти в будущее. Одной фразой счеты с ним не свети. Сложившаяся структура экономических и политических интересов кого угодно свяжет в маневре, кого угодно лишит иллюзий. Подобный эффект век назад описал А.П. Чехов в истории Ионныча. Наш тип реальной реальности взывает к героизму. Но не героизму Александра Матросова, а к героизму Максима Максимовича Исаева. Кажется, не мы одни это понимаем.

Авторские блоги:
<http://www.ageev.net>
<http://www.facebook.com/aiageev>
<http://twitter.com/aiageev>